

Показательна в этом отношении и его теория одического жанра, которой он сопровождает гданскую оду 1734 г. Теперь, следуя Буало, он рекомендует Псалтирь в качестве образца высокого стиля. Для России это приобретает новое значение, так как до сих пор Псалтирь была известна здесь только на церковнославянском языке.⁵⁵ Таким образом, Третьяковский санкционирует употребление церковнославянского в высоком стиле.

Нечто подобное читаем в «Способе» в параграфе о поэтических допущениях. Не только в высоком стиле, но и вообще в языке поэзии допускается осмотровое употребление элементов церковнославянского.⁵⁶ Они имеют еще статус исключительности, допущения, но уже ощутим тот программный поворот в пользу церковнославянского, который Третьяковский осуществит позднее, во второй половине 1740-х гг.

Изменение позиции заметно отражается и в самом стиле произведений Третьяковского. Вступительные строки «Эпистолы <...> к Аполлину» понятны лишь с трудом, так как следуют церковнославянскому синтаксису с его вольным порядком слов.⁵⁷ Здесь нет той осторожности, о которой говорилось в параграфе о допущениях. Возникает стилистический перебой. Правда, высокий стиль, достигаемый церковнославянизмами, оправдывается здесь самим адресатом эпистолы — божественным Аполлоном. Однако одновременно Третьяковский нарушает жанровую форму эпистолы, требовавшую среднего стиля.

В изменении взглядов Третьяковского на церковнославянский язык угадывается идейное развитие более принципиального порядка: оно касается представления Третьяковского о русской национальной культуре и ее отношении к Западной Европе. Можно сказать: Третьяковский освобождается от своего идеологического наследия. В ранние годы он выступает под знаменем культурной революции, провозглашаемой петровской пропагандой;⁵⁸ об этом говорилось выше. Для этой позиции характерна компрометация старого и прославление нового — в духе библейского противопоставления добра и зла, света и тьмы. Допетровское прошлое воспринималось как варварская эпоха, поэтому, когда Россия ощутила потребность вступить в новую стадию культуры, необходимо было порвать с прошлым и следовать западноевропейскому образцу.

Это был, как казалось, единственный путь, ведущий в круг цивилизованных — «политических» — народов. Культурное самоотречение — та цена, которую готовы были заплатить петровские пропа-

⁵⁵ Третьяковский В. К. Рассуждение об оде вообще // Третьяковский В. К. Ода торжественная о змаче города Гданска. Ср.: Живов В. М. Культурные конфликты в истории русского литературного языка XVIII — начала XIX века. С. 49—62.

⁵⁶ Третьяковский В. К. Избр. произведения. С. 377—380.

⁵⁷ Л. В. Пумпянский подчеркивает программное значение подобных стилистических явлений у Третьяковского. См.: Пумпянский Л. В. Третьяковский. С. 223.

⁵⁸ О топике этой пропаганды см.: Шмурило Е. Петр Великий в'оценке современников и потомства. СПб., 1912. Т. 1. С. 31; Riazanovskij N. V. The Image of Peter the Great in Russian History and Thought. New York, Oxford, 1992.